
Роковая черта «Тэффи из Уэльса»

[Игорь ФУНТ](#) - 21 мая 2017

Body

А ты бы в зеркало посмотрелась, чучело! Тэффи

Её судьба покрыта мифами. Так, Надежду Александровну очень раздражал слух, – пущенный сотрудниками парижского журнала «Русская мысль», – что она, дескать, приняла советское подданство.

После окончания ВОВ её действительно звали в СССР. И даже, поздравляя с Новым годом, желали успехов в «деятельности на благо советской Родины». На все предложения Тэффи отвечала отказом.

Касаясь поспешного, – по воле случая, – бегства из России, она однажды горько пошутила, что элементарно боится: в России её может встретить плакат «Добро пожаловать, товарищ Тэффи!», а на столбах, поддерживающих плакат, будут висеть Зоценко и Ахматова.

Но приступим...

...Мимо стёклышка иллюминатора

Проплывут золотые сады,

Пальмы тропиков, звёзды экватора,

Белубые подвальные дыны

Автор: Тэффи. Песню исполнял: Вертинский.

«Тэффи не склонна людям льстить, не хочет их обманывать и не боится правды. Но с настойчивостью, будто между строк, внушает она, что как ни плохо, как ни неприглядно сложилось человеческое существование, жизнь всё-таки прекрасна, если есть в ней свет, дети, природа, наконец, любовь». Г. Адамович

«Скучно жить на этом свете, господа! – готова воскликнуть Т. вслед за непререкаемым авторитетом Гоголем. – Но и чудно жить!». – Несмотря ни на что. Ни на какие угрозы и несчастья. Нищету и голод. Забвение и угасание. В этом вся Тэффи.

Да, настоящее признание это когда народ, не ведая того, говорит твоими фразами, прибаутками, мыслит твоими оригинальными фиоритурами, передаёт твои истории из уст в уста. Такова была всеобъемлющая слава Чехова, Куприна, Бунина, но в особенности внезапно, как бы нехотя ворвавшейся в литературный мир начала двадцатого века Надежды Лёхвицкой – под псевдонимом Тэффи. Такова её карма: по Тэффи, по её характерному язвительному глаголу – голосу – сохли, страдая без ума, все. От низших сословий и чинов – до высших, высочайших! – вплоть до Государя-Императора.

Позднее её по-своему восприняли и обожали социалисты, масоны, эсеры. Керенский, Распутин, А. Богданов. (Бердяев советовал ей подальше держаться от большевиков.) Обожал Ленин, в какой-то определённо искусствоведческой, исследовательской манере взаимно, но... до некой роковой черты, связанной, непреложно, с революцией. Которую Т. не смогла перешагнуть.

Доходило до смешного.

Трагикомична история большевистской газеты «Новая Жизнь», издававшаяся в Петербурге с 27 октября по 3 декабря 1905 г., где печаталась Тэффи. Газета появилась благодаря атмосфере всеобщей политической эйфории после объявления манифеста 17 октября, даровавшего свободы совести, слова, собраний и союзов.

Социал-демократы, остро нуждающиеся в легальном СМИ, решили воспользоваться разрешением на выпуск газеты, выданным поэту Н. Минскому, у которого не было денег на издание. Финансовый вопрос помог разрешить Горький. В результате редакция объединила будущих антагонистов, с одной стороны: Ленина, Воровского, Луначарского, Горького; с другой: в скорости эмигрантов-антисоветчиков Л. Андреева, Бальмонта, Бунина, Вилькину.

Профессионально взявшуюся писать довольно поздно, тридцати почти лет, на рубеже-перекрестии веков, – я бы не посмел назвать её эталонным представителем культуры переходного периода. Скорее ярчайшим его обрамлением, оправой. Светом, озарявшим именно что явления в полную силу разгоравшегося Серебряного века – С. Чёрный, Ф. Сологуб, Д. Мережковский, Б. Зайцев.

Тэффи несомненно литературно родственна Чехову, особенно раннему. (Поздний Чехов, бесспорно, недосыгаем.) Традицией Антоши Чехонте напитана вся творческая биография писательницы, поэтессы, мемуаристки, переводчицы (шведский, португальский, англ., фр. языки), критика наконец. Чего только стоит её приснопамятная фраза по поводу поэзии Северянина (1933): «Он не сеял разумного, доброго, вечного, за что потом сказал нам “спасибо сердечное русский народ”».

В отличие от упомянутых классиков, – плотно, надёжно встроенных в фундамент храма русской культуры, – несмотря на громкую популярность первого поэтического сборника «Семь огней» (1910 г. С явной аллюзией на поэзию Ф. Сологуба.), Тэффи окружена ореолом осторожного непонимания корифеев жанра: Брюсова, Гумилёва. Пререкавшихся друг с другом по поводу маскарадно-иронической маски Тэффи. Отмечавших внешне неплохую, в принципе, литературность, – в подтексте подразумевая лишь красочно-

---

косметическую колоратуру её лирики. Да и старшая сестра – «русская Сафо» Мирра Лохвицкая безусловно превосходила младшую по силе воздействия на публику. Прочно заняв место в женском, телесно-сердечном пантеоне книжных утех и любовных фантазмагорий – в небесах кроткого наслаждения жизнью: «...ангел безгрешный, случайно попавший на землю, сколько ты счастья принёс! Как ты мне дорог, дитя!»

Сравните, дорогие друзья, и почувствуйте равновесное движение душевных струн обеих сестёр:

Мирра Лохвицкая

Если прихоти случайной

И мечтам преграды нет –

Розой бледной, розой чайной

Воплоти меня, поэт!

Двух оттенков сочетанье

Звонкой рифмой славословь:

Жёлтый – ревности страданье,

Нежно-розовый – любовь.

<...>

И осветит луч победный

Вдохновенья твоего

Розы чайной, розы бледной

Тэффи

Моя любовь – как странный сон,

Предутренный, печальный...

Молчаньем звёзд заворожён

Её призыв прощальный!

Как стая белых, смелых птиц

Летят её желанья

К пределам пламенных зарниц

Последнего сгоранья!..

Моя любовь – немым богам

Зажжённая лампада.

Моей любви, моим устам –

Твоей любви не надо!

Атавистически-мистические настроения их прадеда-масона, – жившего в эпоху царствования Александра I, – «генетическим образом» (из автобиографии Тэффи, – авт.) передались по наследству старшей сестре. Не избежала сего искушения и младшенькая.

С 1904 г. заявив о себе газетными фельетонами, бичуя чиновничество и власть предрержащих, проснулась знаменитой она с появлением двухтомника «Юмористические рассказы» (1910-е). Далее, ровно из рога изобилия выходят книги «И стало так...», «Карусель», «Ничего подобного» и др. Регулярно, почти ежегодно публикующиеся и переиздающиеся вплоть до революционных дней: февральских, октябрьских.

Своеобразной точкой отсчёта, с которой в сугубо фельетоническую тональность произведений всё чаще проникают печальные ноты, – особенно в ракурсе Первой мировой (побывала на передовой в качестве медсестры), – стал сборник «Неживой зверь». Где Т. честно предупредила читателя – он встретит там сонмы невесёлого, сонмы слёз: «жемчуга» её души. Что вызвало неоднозначную реакцию.

Создавшийся устойчивый стереотип юмориста-газетчика нелегко поколебать.

Привыкший и готовый к смеху зритель не воспринимал и не понимал перерождения: «Всё равно ей не верят и смеются. Ах, эта смешная Тэффи!» – рассуждал Зощенко об авторской омонимичности, завуалированности горечи и стыда под личиной клоунского хохота.

Печаталась в популярнейших «Русском слове» Сытина-Дорошевича, «Новом Сатириконе» Аверченко – покамест их не закрыли большевики.

...Кстати, Аверченко жил через квартал от ресторана «Вена», – потому нередко всей редакцией «Сатирикона», да и просто сочувствовавшими, охочими до яств неутомимыми шаманами Пегаса заглядывал туда на обеды. Плавно перетекавшие в шумные журфиксы. Ремизов-Васильев «Ре-ми», громогласный Радаков, встрёпанный В. Войнов, сардонический П. Потемкин, флегматичный Г. Ландау, восторженная Тэффи.

Вообще питерская «Вена», скажем, для Куприна – изящного формовщика слов и знатока словопластики (и женской пластики тоже), к тому же мощно воссевшего на литературный трон после возгремевшего на всю Империю «Поединка», – была чем-то вроде штаба фронта. Только немного с иным идеологическим наполнением. Там он привечал гостей, объявлял деловые встречи, заключал контракты с меценатами.

(Похожих военизированной-драматических «штабов» было разбросано по Питеру и Москве немало. Это и всяческие квартирники, кружки (подобно старейшему кружку Яковлевой на Фонтанке конца 19 в.), литературные «среды», «четверги». Это и «Донон» на Мойке, достопамятная Башня Вяч. Иванова, одиозная «Бродячая собака». В Москве – от «Розового фонаря» нач. 20 в. до «Стойла Пегаса» 1920-х etc.)

И хотя в ту пору неуёмную в развлечениях богему стали переманивать новомодные рестораны-«Квисисаны» с недорогими механическими буфетами, Александр Иванович «Вену» никогда не предавал.

Половые там стабильно были при купринском гешефте, кухня – при пополняющихся заказах. И только винный склад – в состоянии непрекращающейся войны! Нужный алкоголь быстро иссякал (Куприн неизменно гурманничал), и халдеи с ног сбивались в поисках спиртного по соседним питейным подвалам. «Ах, в "Вене" множество закусок и вина, вторая родина она для Куприна...» – гуляла эпиграмма.

Художник из созвездия Большого Максима, бывало, раздражавший «дурацкой» переменчивостью взглядов самого Горького, Куприн – центр столичного бомонда, безумолчный кутила, повеса и, своими повадками, некий по-фаустовски лицемерный шут. Точнее даже, некрасовский «косой плут», учитывая его инородчество. Шалманом нагоняющий вокруг себя волну прихлебателей, цыган с гитарами, шампанским – и опереточных принцесс-певичек: щекотливых девок на выданье.

Не терпящий пререканий и укоров от непьющих друзей типа нелюдя-Ценского, непримиримый и беспощадный к недругам, – Куприн сразу лез с негодными в драку,

---

потчуют оплеухами и целясь прямо по «физиогномии», как говаривал в свою бытность затронутый чуть ранее Некрасов. Но не суть...

По жребии звёзд и, конечно, моему воображению, Куприн непременно должен был сойтись с сатириконовкой Тэффи, часто посещавшей «Вену» с главредом Аверченко.

Будучи не прочь приударить, Александр Иванович вроде бы и сошёлся с ней, но...

Быстро смекнул, что ежели они сблизятся больше, ей придётся сильным манером повлиять на его беспробудное пьянство, – и тогда он перестанет быть Куприным, в том числе для нас, читателей.

Но ежели Тэффи не исправит «татара-монгола» в лучшую сторону – они всё равно расстанутся: с её-то высокомерной эстетикой англицизма, старинным «валлийским» воспитанием – супротив купринской бесшабашности, расшатанности и вседозволия. Посему остались просто друзьями. И в России, и далее в загранке...

Уверен, что сама Тэффи всей своей сущностью – и творческой, и чисто женской – предназначена была судьбой для Чехова: извечного её вдохновителя-учителя. Да тоже звёзды не сошлись. Да и сводник из меня никакой.

Но отвлеклись...

Роковую черту октябрьской революции, наравне с Буниным, Горьким тех лет, Шмелёвым, Зайцевым, Савиным она перейти не смогла. Трудно сказать, как сложился бы дальнейший путь писательницы, если б в силу спорадического течения обстоятельств Т. не оказалась в эмиграции. Где её талант воссиял в полной мере.

И ежели великолепный Аверченко, – «второй Чехов», как его называла критика, – без неудавшегося за границей «Сатирикона» начал чахнуть. То собственно Тэффи вовсе не сложила рук. А наоборот, дала волю необузданной энергии издателя, общественника. Став некоей собирательницей русского янтаря в полях далёкого – порой заброшенного, внутренне, душевно одичавше-неприкаянного зарубежья.

Пара замечаний о сопоставлении сатир Тэффи – Аверченко.

Аверченко строит большинство своих произведений на резком нарушении нормы.

Тэффи – показывает читателю комизм аверченковской нормы, притом мнимой.

Норма – бредовая привычка, лишь усложняющая людям жизнь, в лучшем случае. В худшем же – люди отказываются таким образом от высших основ, забывают бога, природу, естество.

Истинная норма – по Тэффи – восстанавливает утраченную связь с землёй, оберегает человеческую душу, укрепляет творческое дерзание, смиренное приятие Господа.

Норма мнимая – по Аверченко – лишь заставляет всё глубже и глубже погружаться в суету, размениваться на пустячные мелочи. Превращая всю жизнь в потешную череду ненужных, внешне курьёзных, – по сути горьких, злополучных и незначимых, – эпизодов.

Она – лидер эмигрантской колонии. Она – председатель и член разных обществ и клубов, фондов, союзов. Она – завсегдатай «Зелёной лампы» Мережковских. В ответ Мережковским учреждает личный литературный салон.

Собирает деньги в парижский фонд им. Ф. Шаляпина и на создание библиотеки им. Герцена в Ницце. Читает свои воспоминания на вечерах памяти ушедших Фёдора

Сологуба (1927), Саши Чёрного (1932). Выступает на коллегиях помощи прозябающим в бедности собратьям по перу. Участвует в возобновлённом бунинском Цехе поэтов на квартире А. Толстого. Где, к слову, Эренбург познакомил зарубежье с непонятым попервости творчеством Пастернака.

Успешно издаётся в парижской прессе, тут же републикуемой на бывшей отчизне (как например, блестящий рассказ, опознавательный маркер новой жизни вне России «Ке фер?»).

Печатается преимущественно в газетах, – где трудится в качестве воскресного фельетониста.

Газетная работа, требующая еженедельно-принудительного сочинения юмористических миниатюр, накладывает нелестный оттенок на художественный уровень её вещей. Среди которых есть сделанные торопливо, без изыску, иногда откровенно малоудачные. Однако очевидно – общая ретроспектива её творчества заслуживает оценки «отлично»!

Известный журналист, эссеист М. Осоргин, – один из деятельных и активных масонов русской эмиграции, – назвал её одним из самых умных и «зрячих современных писателей».

Именно «зрячих». Это определение как нельзя более характеризует талант Тэффи.

Она была большим беллетристом, у которого смешное неустанно переплеталось с грустным, – вспоминал А. Седых, хорошо знавший её в парижский период.

Незримо перекликаясь с Ремарком, пишет об очень усталых, незаметно стареющих одиночках. Сотворивших эпоху и... неощутимо, скрытно сходящих на нет. В никуда – лесковское «ничто».

Пишет о купринских штабс-капитанах, превратившихся в суетливых шоферов такси. О седовласых старичках, ставших мальчиками на побегушках в русских бакалейных лавочках. О лысеющих дядях, коих все почему-то называют «Вовочками». Хотя душе компании Вовочке – сто лет в обед. (Ср. со швейцаром Морозовым из «Триумфальной арки» Ремарка, – авт.)

В её рассказах часто появляются мятущиеся женщины с мерцающими глазами, успокаивающиеся на том, что, – сгорая внутри дотла! – берутся делать шляпки и перекавалифицируются в дородных портних: «...рекомендую ей русскую портниху. Давно её знал. Драла дороже француженки, а шила так, что прямо плюнь да свистни. Одной клиентке воротничок к рукаву пришила, да ещё спорила».

Невзирая на слабодушие и духовное бессилие, опущенность, – люди, изображаемые Надеждой Александровной, – овеяны каким-то тёплым и снисходительно тайным авторским сочувствием, лаской. Потому, быть может, её роскошные миниатюры так любимы и популярны у этих усталых, никому не нужных увядающих людей: «О, царственная скорбь, – их увяданье!// Забудь лазурный день и солнечную высь...».

Тэффи – благополучно и плодотворно – выпускает книги, воспоминания, пьесы, сборники стихотворений, прозы (удачнейший сборник: «Городок»). До начала Второй мировой.

Примерно после 1940-го наступает чёрная полоса...

Будто опять судьба заставила её остановиться у непреодолимой грани, черты, невозможности перейти Рубикон: в данном случае это был рубеж несотрудничества с коллаборационистским режимом. Куда повернула внушительная часть французской богемы в надежде на продовольственную пайку.

Оттого приходит забвение. Безденежье (особенно после кончины гражданского мужа П. Тикстона в 1935). Приходят болезни, нищета, быстрая непредвиденная старость. В США её даже похоронили заживо, опубликовав некролог в «Новом журнале»-1943. Прекращается американский благотворительный пансион – в связи со смертью парижского миллионера-филантропа С. Атрона (1951).

«...Из Совдепии стали приезжать "очевидцы" всё чаще и чаще. Врут всё гуще и гуще». – В длительном преддверии, предощущении тотальной войны – этой тёмной, вселенски-ужасной разделительной полосы, встречаясь со всевозможными «выездными» писателями из СССР 1920 – 30-х гг., она пытается найти лучики света истины в непролазных лабиринтах недоговорок, эзоповых полужраз, – многожды неразумных, пьяных! Звучащих из уст набриолиненных приезжих: Эренбурга, А. Толстого, того же Пастернака, Есенина.

Тем не менее, в годы гражданской войны И. Эренбург выпустил за границей весьма значимые антологии советской поэзии: «Поэзия революционной Москвы», Берлин, 1922; «Портреты русских поэтов», 1922. Знакомящие эмиграцию со свежими творческими веяниями в СССР.

В 1921 г. Вера Бунина пишет о «чекисте» Эренбурге:

«Важно то, что Эренбург приемлет большевиков. Старается всё время указывать то, что они делают хорошее, обходит молчанием вопиющее. Почему же, если там так хорошо, он уехал за границу? И откуда у него столько денег, ведь в Москву он явился без штанов в полном смысле слова? Неужели скопил за пять месяцев? И как его выпустили? Всё это очень, очень странно...».

Крайне любопытна и нетривиальна фразеология Эренбурга о Пастернаке, о ком Тэффи имела чрезвычайно скудное представление. Несколько надменно, сверху взирая на поэтические «дебри» – в основном сквозь критические бунинские очки: она безмерно доверяла Бунину.

«Говорить о Пастернаке трудно, – фиксирует Эренбург. – Его речь – сочетание косноязычия, отчаянных потуг вытянуть из нутра необходимое слово и бурного водопада неожиданных сравнений, сложных ассоциаций, откровенностей на явно чужом языке. Он был бы непонятен, если б весь этот хаос не озарялся бы единством и ясностью голоса. Так его стихи, порой иероглифические, доходят до антологической простоты, до детской наивной песни о весне. Конечно, Бунин понятнее, и легче добывать огонь с помощью шведских спичек, нежели из камня. Но сердца зажигаются искрами кремня, спичками же лишь папиросы».

Сравнение Пастернака с собой «зловредный» желчный Бунин, естественно, не оставил без внимания.

Пастернак, сознательно выбравший в 1923 г. возвращение в советскую Россию, и, как считал Бунин, успешно в ней прижившийся, ассоциировался у последнего с футуристом Маяковским и всем, ему и иже с ним сопутствующим: то бишь хамством и глупым безбашенным цирком. И главное – ассоциировался с ненавистным до колик, до нервической накипи, большевизмом – априори бездарным и противным. Антигуманным. Скотским.

Тут явно прослеживается этимологическая схожесть Бунина и Тэффи в нелюбви к социализму – с разнополюсным зарядом.

Бунин, перекликаясь с Андреевым: «Убей Бог Ленина!!» – прокликает большевизм и всё, что с ним связано, безо всяких оговорок.

Тэффи, в свою очередь, тоже не в восторге от светлого коммунистического завтра, но...

По-женски, с душевным ажурным светом прощает всех, кто там очутился по воле звёзд. И кому пришлось испытать все те беды и горести, выпавшие на их долю. Притом оборачивая всё это в юмористически гуманную, по-философски благожелательную обёртку сочувственного смеха.

«Одноглазый Полифем, к которому попал Одиссей в своих странствиях, намеревался сожрать Одиссея, – толкует Бунин в «Окаянных днях». – Ленин и Маяковский (которого ещё в гимназии пророчески прозвали Идиотом Полифемовичем) были оба тоже довольно прожорливы и весьма сильны своим одноглазием. И тот и другой некоторое время казались всем только площадными шутами. Но недаром Маяковский назвался футуристом, то есть человеком будущего: полифемское будущее России принадлежало несомненно им, Маяковским, Лениным. Маяковский утробой почуял, во что вообще превратится вскоре русский пир тех дней и как великолепно заткнёт рот всем прочим трибунам Ленин с балкона Ксешинской...»

Тэффи мнемонически вторит Бунину. Точнее выразиться, предваряет Бунина, – её текст более ранний:

«Каждый карманник, вытянувший кошелек у зазевавшегося прохожего, говорит, что он ленинец!

– Чего ж тут? Ленин завладел чужим домом, карманник – чужим кошельком. Размеры захватов различные, – только в этом и разница. Ну да ведь большому кораблю большое и плавание.

Ленинцы, большевики, анархисты-коммунисты, громилы, зарегистрированные взломщики – что за сумбур! Что за сатанинский винегрет!

Какая огромная работа – снова поднять и очистить от всего этого мусора великую идею социализма!

Большевики хотели сделать смотр своим приверженцам en grand. [В натуральную величину, – авт.]

Порадовать своё сердце.

Мне приходилось часто слышать ленинцев на маленьких уличных митингах. Их антураж всегда был трогательно хорош. <...>

Великое триумфальное шествие безграмотных дураков и сознательных преступников.

Каждый, кто желает поменьше работать и побольше жрать, смело называет себя ленинцем.

– Жраньё явное и равное.

Любая лошадь подпишется под таким лозунгом и пойдёт за хозяином, провозгласившим его». (1917)

Позднее Бунин напрямую свяжет Пастернака с Маяковским, отводя тому в истории литературы большевистских лет (он до конца надеялся на возврат в «добольшевизм»! – авт.) самый низкий, самый циничный и вредный статус слуги советского людоедства по части восхваления его. Статус подлого, подлейшего и мощнейшего генератора идей на «советскую чернь».

Отводя даже самоубийству Маяковского роль некоей конкурентной ступени, позволившей Пастернаку выпренно обратиться к загробной тени «жёлто-лимонного пиджака» с

намёком на что-то якобы страшно возвышенное, по-советски гениальное:

Твой выстрел был подобен Этне

В предгорье трусов и трусих!

Взгляните! – в СССР все гении сейчас так выражаются: типа выстрел подобен не обвалу либо извержению, а уподоблен горе! – ёрничает, конечно же, саркастически передёргивая, Бунин.

В августе 1941 он запишет в дневнике: «Был *Andre Gide*. Очень приятное впечатление. Тонок, умён – и вдруг: в восторге от Пастернака...». – Презирая всё советское, великий Бунин так и не разобрался, не принял, не нашёл и не прочитал Пастернака, впрочем, как и Маяковского. Как прочитал и нашёл, и реабилитировал из забвения многое и многих в своей долгой литературно-изыскательной, писательской жизни.

Так же и Тэффи, верная предсказаниям-вещаниям дорогого сердцу друга, – пропустившего вполне достойные вещи, выглядывая наружу из-под антикоммунистического савана: ненадёжного советчика, – неминуемо проморгала кое-что из драгоценных творческих зёрен. Звёзд. Пускай и совковых, «совдеповских», – как говорила «сатанесса» с крестом на шее и лорнеткой в руке З. Гиппиус.

Простим это Тэффи...

Ведь и собрала она немало – в Империи, в СССР: Г. Чулков, Распутин, Коллонтай, Бальмонт, Репин, Л. Андреев, А. Ремизов, Сеспель, Мейерхольд.

Её планида, – в протуберанцах ласковых прищуров, – в отличие от Бунина более приземлённа. Заострившись вниманием на человеческой Печали с большой буквы: ахматовском оксюморе грустной радости. Печали в обрамлении смеха. С чем и вошла Т. в историю мирового искусства.

Как темно сегодня в море,

Как печально темно!

Словно всё земное горе

Опустилось на дно...

Но не может вздох свободный

Разомкнуть моих губ –

Я недвижимый, я холодный,

Неоплаканный труп.

---

*

Молилася земля, и радостные слёзы

Блистали в облаках, блаженны и легки...

И тихо в тёмный мирт ввиваться стали розы,

Сплетаясь для нас в венчальные венки!

И радость та была прекрасна и желанна,

В Единый Свет сливая дух и плоть...

И лилии вокруг воскликнули: Осанна!

Благословенна Жизнь! Благословен Господь!

В сентябре 1952-го Бунин пишет Тэффи: «Милая сестрица, разбираю свой архивик для отправки в Нью-Йорк, в архив при Колумбийском университете. Нашёл древний номер «Иллюстрированной России с Вашей статьёй о моих стихах («По поводу чудесной книги», – «Избранные стихи Бунина») и целую Ваши ручки и ножки за хвалу мне и за пощёчины сукину сыну Пастернаку». – Это будет последняя ей корреспонденция.

Воочию прошедший судьбы нескольких узурпаторов-тиранов, практически ровесник Тэффи, переживший её на год, – даже Бунин, увы, не был пророком.

По воспоминаниям близкого друга писательницы Перикла Ставрова, у коего она проводила предсмертное лето 1952-го, Надежда Александровна часто шутя называла себя ведьмой. Правда, всегда при этом прибавляя: «Вы не думайте, я очень добрая ведьма!» – В противоположность ахматовскому пессимистичному, не без сарказма: – «Не смейтесь, я Ахматова, а не Чаплин! Посмотрите в литературную энциклопедию, я трагический поэт. Мне свойственен пессимизм и упадничество».

Её «ведьмы» проистекали от однокоренного «ведать», знать.

Ведьма в курсе того, что сокрыто от других, видит то, чего не видят остальные. В том её сила и власть над явью. В предвестии захода Солнца: «...я в солнце рождена и в солнце умираю», – зная, предугадывая наперёд, Тэффи-«ведьма» не сдаётся унынию-тоске вплоть до критических закатных минут.

Понятие бытия Т. укладывает в схему, некую цивилизационную Теорию мировой души подвижника VI в. Аввы Дорофея.

Принцип заключается в следующем.

Вселенная – это круг, в центре которого Бог. А радиусы от окружности к центру – путь души. Чем ближе души к Богу, тем теснее, интимнее они соприкасаются.

По Библии, рядом с Богом обретаются дети. Ведь Иисус завещал ученикам: «Истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете как дети, не войдёте в Царство Небесное». – Ребёнок ближе к Богу, оттого ему доступен язык любого живого существа. А неживое он одушевит неуёмной фантазией! Что поразило в своё время Льва Толстого: «Дети – люди серьёзные», – отметил он в блокнотике под воздействием теории Аввы.

Там, у самого центра этой окружности, и находится место «маленького человека Тэффи» (Е. Трубилова). Тэффи – ребёнка. Тэффи – дурачка. Тэффи – нелепого вралю. Тэффи – сумасбродной женщины в пафосной личине одинокого метафизического старика. Больше похожего на защищающегося от космической нелюбви конрадовского изгнанника в облучении каббалического света – «Сефирота», чем на площадного аверченковского обывателя. Преодолевающего невыносимый страх приближающегося конца посредством глобальной Теории мировой души – общей для всех людей, зверей и «вообще всякой твари».

Буквально перед смертью – в Нью-Йорке – опубликована последняя прижизненная книга мемуаров. Где Т. решительно отказывается от интонаций глумления и сатиры – «Земная радуга». Исповедь, прощание и прощение всех и вся на этой грешной земле: *Alleluia!!!*

Она безапелляционно знала, что скоро вновь станет ребёнком-«коловоротком». И, – шутя играя: прыгая, крутясь и веселясь, будто в детстве, – встретится в центре нескончаемой вселенной с Богом...

Taffy was a Welshman, Taffy was a thief.

Taffy came to my house and stole a leg of beef.

I went to Taffy's house and Taffy was in bed.

So I picked up the jerry pot and hit him on the head. [\[1\]](#)¹

Тэффи был валлийцем, Тэффи – воришка.

Тэффи наведался ко мне домой, украв говяжью ногу.

Я пошёл к Тэффи, – он как раз валялся в постели.

[1] «*Taffy was a Welshman*» – «Таффи из Уэльса». Анти-валлийский стишок, популярный в Англии XIX в. Имеет статус народной песни. Позже стал детской песенкой-прибауткой, с различными вариантами продолжений, – из серии *fairy tales*. Которая полюбилась Надежде Лóхвицкой – Тэффи.

Термин «Таффи» также может быть объединением общеуэльского названия «Дафид», валлийское произношение: [davið], и уэльской реки «Тафф», на которой построен Кардифф. Термин употреблялся в середине 18 в. Когда в Лондоне была издана книга *Pretty Song Book* Томми Тула, ок. 1744 г.

Там были слова:

Taffy was born

On a Moon Shiny Night,

His head in the Pipkin,

His Heels upright.

Тэффи родился

В подлунную сияющую ночь. (Признак коварства, – авт.)

Его голова, похожая на кастрюлю,

Соответствовала его длиннющим каблукам. (Рисуетя образ мерзавца-проходмца, – авт.)

Сама Тэффи приписывает происхождение своего псевдонима семейным, также киплингоским аллюзиям. Понравившийся стишок про воришку-безобразника Таффи, по её словам, взят из романа Дж. Дюморье «Трильби».

[Игорь ФУНТ](#) - 21 мая 2017

<http://webkamerton.ru//2017/06/rokovaa-certa-teffi-iz-uelsa>